

На правах рукописи

О. Б. ДЖАМАЛОВ

Победа колхозного строя
и развитие колхозного производства
в Узбекистане

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора экономических наук

104049

Москва — 1955 г.

Писать разборчиво

Шифр

Автор

Автореф.

33

A-1

Джамалов О.Б.

Победа колхоз-

ного строя

и развитие

производства

в Узбекистане

94670.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

Настоящая работа представляет собою попытку обобщить практику социалистического преобразования сельского хозяйства и развития колхозного производства в одной из отсталых в дореволюционном прошлом национальных окраин России, в Узбекистане.

Немногие имеющиеся работы по вопросам сельского хозяйства Узбекистана касаются проблем теории и практики колхозного строительства республики лишь в самой общей постановке. К тому же некоторые из этих работ грешат существенными методологическими пороками, приводящими к ошибкам теоретического характера. Так, например, кандидатская диссертация И. С. Эйдельмана «Большевики Узбекистана в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства Узбекистана (1930—1934 гг.)» представляет собою общий обзор вопросов, касающихся коллективизации сельского хозяйства СССР в целом, вопросы же коллективизации в Узбекистане затронуты поверхностно, без анализа тех специфических условий, при которых происходила здесь реорганизация сельского хозяйства, местные материалы привлечены крайне скудно и в основном в качестве иллюстрации к ошибкам, допущенным в начальный период сплошной коллективизации. При этом ошибки, допущенные местными руководящими работниками в результате головокружения от успехов, и недостатки, имевшие место в организационно-хозяйственном состоянии возникших колхозов из-за отсутствия у крестьян опыта ведения крупного коллективного хозяйства, автор квалифицирует как результат антиколхозной деятельности врагов социализма, объективно создавая неверное, извращенное представление о действительности.

В брошюре Ризаева Г. Р. «Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане» (Ташкент, Узгиз, 1947 г.), в работе автора настоящей диссертации «Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане» (Ташкент, Узгиз, 1950 г.) и в ряде других источников ошибочно истолковывается социальная сущность земельно-водной реформы, проведенной в Узбекистане в 1925—1927 гг. Эта реформа, которая была направлена на подрыв самих основ феодально-байских отношений, сохранившихся в силу свободного пользования эксплуататорскими слоями кишлака земель, как объектом хозяйства, рассматривается в указанных работах как мера, проведенная в целях ликвидации права собственности на землю. Утверждение о существовании права

частной собственности на землю и воду в Узбекистане вплоть до земельно-водной реформы является неверным, оно не соотносится с содержанием социалистической революции в части крестьянского вопроса и противоречит тому, что партия провела в жизнь после победы диктатуры пролетариата в нашей стране в области аграрных отношений.

Научная разработка вопросов возникновения, развития и укрепления колхозного строя в СССР имеет большое теоретическое и практическое значение особенно для стран, ставших на путь социалистического строительства.

За последние годы внимание некоторых советских ученых привлекала проблема теоретического обобщения практики создания и укрепления колхозного строя в СССР. Среди работ, вышедших в свет, несомненный интерес представляет книга М. А. Краева «Победа колхозного строя в СССР» (Госполитиздат, 1954 г.). Однако и в этом капитальном труде вопросы колхозного строительства в республиках Советского востока не получили должное освещение. Всестороннее и глубокое изучение опыта создания и укрепления колхозного строя в СССР возможно лишь на основе обобщения практики колхозного строительства в различных районах страны, находившихся в прошлом на разных ступенях общественного развития. Процесс коллективизации сельского хозяйства при общности основных, существенных его черт во всех районах союза, имел в каждом из них свои особенности; марксистско-ленинская теория социалистического строительства претворялась в жизнь с учетом местных социально-экономических особенностей.

В результате замены старых производственных отношений, представлявших собою сложное переплетение элементов феодализма и капитализма, новыми, социалистическими отношениями, благодаря громадной материальной и организационной помощи, постоянно оказываемой Партией и Союзным правительством, сельское хозяйство Узбекистана превратилось в крупное социалистическое хозяйство. Колхозы Узбекистана в настоящее время производят: около 60% всего хлопка-сырца, более 50% шелковых коконов, свыше 37% каракулевых смушек, 40% риса, более 70% кишмиша, заготавливаемых в СССР.

Изучение опыта развития общественного хозяйства колхозов Узбекистана, выявление их резервов, которые могут способствовать дальнейшему непрерывному росту и совершенствованию сельскохозяйственного производства на базе высшей техники, представляют большой теоретический и практический интерес.

Автор поставил своей целью исследовать процессы коллективизации и развития общественного хозяйства колхозов в Узбекистане в трех аспектах: 1) в свете действия объективных законов разви-

тия, присущих как всем способам производства, так и характерных только для социалистического способа производства; 2) с точки зрения выяснения специфических особенностей процесса социалистической реорганизации сельского хозяйства и развития колхозного производства в Узбекистане. С этих же позиций вкратце освещаются особенности процесса по областям республики; 3) с точки зрения выявления резервов колхозов по элементам производительных сил; на этой основе формулируются предложения для наиболее полного и рационального использования этих резервов, в связи с перспективами развития колхозного производства в ближайшие 4—5 лет.

Источниками фактического материала для диссертации послужили: 1) материалы архивов Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, филиала ИМЭЛСа при ЦК КП Узбекистана, Центрального Государственного Архива Октябрьской революции УзССР. Широко использованы фонды Министерства сельского хозяйства УзССР, Госплана УзССР, колхозсоюза УзССР, Средазтракторцентра, СредазЭКОСО; 2) статистические материалы Госплана, Статуправления, Министерства сельского хозяйства, водного хозяйства и ряда других республиканских и областных сельскохозяйственных органов УзССР и управлений Министерства сельского хозяйства Союза ССР; 3) сводные годовые отчеты колхозов и МТС Узбекской ССР за годы: 1935, 1938, 1940, 1943, 1945, 1948, 1950, 1952, 1953 и частично за 1954 год, аналогичные материалы по каждой из десяти областей республики за годы: 1935, 1940, 1943, 1945, 1948, 1950 и 1953; 4) материалы советских органов СССР и Узбекистана; 5) литература как дореволюционного, так и советского периода, посвященная вопросам экономики Средней Азии и ряда районов и областей Центральной России; 6) материалы научных сочинений: а) по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов (Института экономики Академии Наук СССР и Министерства сельского хозяйства Союза ССР, декабрь 1953 года, Москва); б) по экономике и организации сельскохозяйственного производства (Министерства сельского хозяйства СССР, март 1955 г., Москва).

Кроме того, в работе использованы материалы совещания работников хлопководства республик Средней Азии, Закавказья и Казахской ССР (Ташкент, ноябрь 1954 г.), Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г., 1954 г. и 1955 г. и материалы колхозов, собранные на месте автором, участвовавшим в выполнении работ по исследованию основных сдвигов в послевоенном развитии общественного хозяйства колхозов Ташкентской области, проведенных в 1948—1952 гг. кафедрой политэкономии Средне-Азиатского Государственного Университета. Так как метод средних чисел, не скорректированный данными по районам, не отвечает требованиям научного анализа, автор исследовал сводные республиканские показатели в

областном разрезе, давая анализ характерных показателей также и по отдельным хозяйствам. Исследование материалов в областном разрезе дало возможность установить, что имеется излишек средств производства и трудовых ресурсов в одних областях и недостаток их в других.

Ряд методических вопросов вставал перед автором в связи с выяснением особенностей экономических и социальных процессов в сельском хозяйстве Узбекистана. Это потребовало изучения большого количества экономико-статистического материала в целях выяснения особенностей уровня развития производительных сил и типов производственных отношений в узбекском кишлаке в отличие от деревни Центральной России в годы, предшествовавшие Октябрьской социалистической революции и сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Серьезную трудность представляло выяснение классовой структуры кишлака ввиду крайней недостаточности социальной статистики по сельскому хозяйству республики за весь рассматриваемый период. Используя имеющийся в ограниченном количестве экономико-статистический материал, касающийся социальной структуры кишлака, нельзя было не учитывать и то обстоятельство, что привлечение рабочей силы в хозяйство в форме мардикеров (поденщиков), получившее широкое распространение в условиях возделывания хлопковой культуры, истолковывалось враждебными социалистическому строительству элементами в корыстных, классовых интересах. Имели место попытки отнести все хозяйства, привлекавшие мардикеров, независимо от условий, причины и последствий такового привлечения, к эксплуататорской группе. Такая попытка могла нанести удар по середняцкому слою крестьянства. С другой стороны, имелись попытки вовсе исключить наем мардикеров из комплекса признаков, которыми могла быть определена принадлежность хозяйства к той или иной социальной группе. Все это не могло, конечно, не сказаться на достоверности имеющихся источников, касающихся социального состава крестьянского хозяйства Узбекистана. Задача правильной оценки социальной природы хлопководческого крестьянского хозяйства требовала особого рассмотрения условий и целей привлечения наемной рабочей силы с учетом размеров землевладения и землепользования, посевной площади и средств производства.

Большого внимания требовали вопросы, связанные с использованием ценностных показателей. Здесь нужно было применить сопоставимые единицы измерения.

Имея в виду пробелы использованных нами стоимостных показателей, данных в годовых отчетах колхозов в смысле их сопо-

ставимости, мы в своих исследованиях используем также данные о физическом объеме продукции земледелия и животноводства.

Как известно, действие закона стоимости при социализме не ограничивается сферой товарного обращения, а в известной мере также влияет на ценообразование и в области производства средств производства. Автор считал поэтому недостаточным ограничиться характеристикой роста материально-технической базы общественного хозяйства колхозов лишь в ценностном выражении. Представилось необходимым рассмотреть рост материально-технической базы колхозов также по таким показателям, как машиновооруженность и энерговооруженность труда и техническая вооруженность на единицу площади земельных угодий и ряда других объектов.

Значительное количество методических вопросов вставало перед автором в связи с определением уровня и динамики производительности труда.

В соответствующих главах работы излагается попытка автора обосновать пригодность принятого им метода по тем или иным исследуемым вопросам.

Диссертация состоит из двух частей, содержащих восемь глав, введения и заключения.

Первая часть работы, состоящая из четырех глав, посвящена вопросу о том, как создавались предпосылки к коллективизации, к ее проведению в жизнь и рассмотрению новых социалистических производственных отношений, сложившихся в кишлаке в результате победы социалистической системы хозяйства. В первой части особое внимание уделяется: выяснению типов производственных отношений, в частности, рассмотрению аграрных отношений; показу процесса дифференциации крестьянства, выяснению уровня развития производительных сил в предреволюционном узбекском кишлаке; исследованию тех же сторон производства, метода разрешения аграрного вопроса, процессов, которые произошли в социальной структуре кишлака в результате классовой борьбы в послеоктябрьский период, когда создавались предпосылки для коллективизации; выяснению специфических экономических и социальных факторов, как затруднявших, так и благоприятствовавших производственно-социальному перевороту в кишлаке, а также показу того, как изменялось соотношение этих факторов в ходе социалистического переустройства сельского хозяйства.

Вторая часть диссертации, состоящая также из четырех глав, посвящена исследованию развития общественного хозяйства колхозов за период 1935—1953 гг., и частично за 1954 г. За исходный принят 1935 год, как первый год, следовавший за завершением, в основном, коллективизации сельского хозяйства республики.

Во второй части работы исследуются: процесс создания и роста

материально-технической базы общественного хозяйства и качественные сдвиги в ней, роль МТС в развитии колхозного производства, рост культуры земледелия, степень использования тракторного парка МТС, а также земельного фонда в целом и в частности орошаемого, степень использования трудовых ресурсов, структурные изменения хозяйств, образование и рост доходов и повышение благосостояния колхозного крестьянства.

В заключении даются обобщающие выводы и сформулирован ряд предложений для наиболее полного и рационального использования имеющихся в колхозах огромных резервов средств производства и труда в свете перспективы развития колхозного производства на ближайшие 4—5 лет.

I. Социально-экономический строй сельского хозяйства Узбекистана в годы, предшествовавшие Октябрьской социалистической революции

К моменту присоединения к России узбекских ханств в них господствовали натуральные формы хозяйства и характерные для феодального общества типы производственных отношений.

С присоединением узбекских ханств к России, в результате ряда мер, принятых российским капитализмом в погоне за максимальной прибылью, Узбекистан втягивался в орбиту капиталистического развития: возникали и развивались фабрично-заводские предприятия, были проведены железные дороги, способствовавшие хозяйственному сближению и усилению торговой связи народов Узбекистана с русским и другими народами Российской империи; вместе с ростом промышленности рос и формировался рабочий класс, появились кадры национальных рабочих.

Сельское хозяйство Узбекистана утрачивало свою былую изолированность, феодальную замкнутость; усиливается его связь с промышленностью на товарно-денежных началах, разрушаются натуральные формы хозяйства; интенсивно расширяются посевы технических и других, ранее не засевавшихся в узбекских ханствах, культур.

Значительные для того времени работы проводились по сооружению новых и улучшению старых оросительных систем.

Русские ученые много сделали в изучении истории, экономики, быта, языка народов Туркестана.

Под непосредственным воздействием революционного рабочего класса России утрачивалась национальная обособленность узбеков. Находясь в составе Российской империи, узбекский народ под руководством русского рабочего класса и коммунистической партии, получил возможность освободиться от национального и экономического гнета.

Исходя из указаний В. И. Ленина о полной совместимости признания прогрессивных сторон капитализма «с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически-переходный характер этого экономического режима» (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 523), в диссертации показывается, что сближение узбекских ханств с Россией и ускорение экономического развития Узбекистана происходили не путем сотрудничества народов, а в порядке экономического и национального гнета узбекского народа господствующими классами России, опиравшимися на феодальные и на нарождавшиеся капиталистические элементы в Узбекистане.

Узбекистан стал ареной развития российского капитализма «вширь». Промышленные предприятия в подавляющем большинстве оставались полукустарными с низким органическим строением капитала, ряд производственных процессов все еще выполнялся ручным трудом. Сферой приложения труда 80% населения Туркестана, 82% — Бухарского эмирата и 95% — Хивинского ханства оставалось сельское хозяйство. Форсированное развитие хлопководства сопровождалось интенсивным вытеснением продовольственных, особенно зерновых культур и животноводства, что, в условиях господства стихийных рыночных отношений, приводило к подрыву продовольственной базы, повышению цен на продукты питания и ухудшению условий материальной жизни трудящихся. Главная особенность колониального развития сельского хозяйства Узбекистана заключалась в том, что российский капитал полностью и всесторонне контролировал процесс производства и заготовки хлопка, как паразит присасывался к хлопководческому хозяйству и высасывал из него все соки; из 313 млн. руб. капитала, вывезенного из России в Среднюю Азию с 1913 по 1915 гг., 60% было размещено в учреждения по кредитованию сельского хозяйства.

Глубокому вторжению денежно-кредитных форм капитала в сферу сельского хозяйства благоприятствовали, главным образом, следующие условия:

1. В хозяйстве, которое становилось все более однобокоспециализированным, суживались возможности покрытия личного потребления дехканской семьи за счет собственного производства; в бюджете малоземельных хозяйств покупные продукты достигали в отдельных случаях 98%, повседневное личное потребление все более связывалось с рынком, вырастал из года в год спрос на деньги.

2. Высокая потребность хлопкового производства в оборотных средствах. Затраты денежных средств на возделывание хлопковой культуры в тех условиях в 5—6 раз превышали затраты в зерновом хозяйстве.

3. В силу необходимости концентрации трудового процесса в

хлопковом хозяйстве по особо сжатым сезонным срокам даже значительные части бедняцких хозяйств были вынуждены привлекать на время постороннюю рабочую силу, прибегая при этом к кабальным кредитам государственного и коммерческого банков.

4. Ввиду длительности периода производства хлопковой культуры все расходы, сопряженные с ее возделыванием, могли быть возмещены лишь по истечении 6—7 месяцев, а всевозможные затраты в хозяйстве за это время могли быть в основном произведены за счет кредита.

5. Использование капитала в торгово-кредитной сфере соответствовало не только экономическим интересам капиталистов, но и политическим соображениям царизма, оно способствовало закреплению Узбекистана как аграрно-сырьевого придатка российского капитализма.

Сельское хозяйство дореволюционного Узбекистана значительно отставало от сельского хозяйства центральных районов России. Средняя обеспеченность каждого крестьянского хозяйства пригодной к обработке земель в Узбекистане была в 5—8 раз меньше, обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем (по стоимости) — в 2—4 раза, а рабочим скотом — в 1,5—2 раза меньше, чем в ряде районов Европейской части России. В Узбекистане в 1913 году в среднем на 800 хозяйств приходился лишь 1 плуг, в то время, как, например, в Волоколамском уезде Московской губернии в среднем на каждое хозяйство приходилось по 2,5 плуга, а в четырех льноводческих уездах Смоленской губернии — по 1,7 плуга.

Аграрная политика царизма в Туркестане не стремилась привести и не привела к существенному изменению феодальной формы собственности на землю. В сельском хозяйстве, несмотря на высокий торговый характер земледелия, преобладали феодальные формы собственности и присвоения прибавочного продукта. В общем количестве труда, привлеченного сельской эксплуататорской группой, примерно 35—40% составляла наемная рабочая сила, а 60—65% — труд чайрикером (издольщиков).

Исходя из характеристики природы издольной аренды, данной Марксом и Лениным, и на основе изучения сущности чайрикерства, последнее в работе определяется как феодальная форма присвоения прибавочного продукта, как форма экономических отношений, в которой воплощалась связь элементов феодальной системы общественного хозяйства с капиталистической и которая означала своеобразную форму пережитков феодальных отношений при развитых капиталистических отношениях в сельском хозяйстве.

Преобладание издольной аренды в форме чайрикерства обуславливалось, главным образом, низким уровнем капиталистической концентрации и централизации производства как в промышленно-

сти, так и в сельском хозяйстве и, вследствие этого, неспособностью капиталистических предприятий всасывать разорившиеся массы дехкан; развитию чайрикерства способствовали также чрезмерно высокая денежная арендная плата, обусловленная дороговизной орошаемой земли и малоземельем, а также возможность при чайрикерстве сочетать обработку бедняками своего собственного клочка земли, одновременно с обработкой арендованной земли.

Особенностью типов производственных отношений явилось переплетение нарождающихся и развивающихся в сельском хозяйстве капиталистических отношений с феодальными и патриархально-родовыми отношениями. Рядом со сданными феодалом в аренду чайрикером земельными участками находилась земля того же феодала, обрабатываемая наемными рабочими. Одному и тому же эксплуататору противостоял и чайрикер, как эксплуатируемый крестьянин и батрак, как сельскохозяйственный наемный рабочий.

Даже отдельные, выросшие на хлопковых операциях и на эксплуатации наемного труда капиталисты в меньшей степени были предпринимателями капиталистического типа, чем представителями «азиатчины», наличие элементов которой Ленин отмечал даже в несравненно более экономически развитом русском кулачестве в виде его торгово-ростовщической деятельности.

Процесс дифференциации крестьянства, происходивший в кишлаке, особенно ускорился за последние 15 лет до Октябрьской революции вследствие проникновения ростовщического кредита, у которого концентрировались земля, рабочий скот, инвентарь и другое имущество, попавшее в его руки как залог; постепенно в кишлаке создавалось относительное аграрное «перенаселение». На одном полюсе образовалась помещичье-феодальная и байско-кулацкая группа, которая составляла к 1913 году 11% хозяйств и владела почти 33% всей удобной к обработке земли, а на другом полюсе — батрацко-бедняцкая группа, составлявшая по числу хозяйств 72%, лишенная земли или же обладавшая от 0,1 до 3 десятин.

Особенностью этого процесса явилось более интенсивное и массовое «вымывание» середняка в узбекском кишлаке, чем в русской деревне. Однако этот процесс дифференциации кишлака не завершился пролетаризацией разорившихся дехкан в такой степени, как в русской деревне с развитым торговым земледелием, в силу преобладания феодальной формы эксплуатации в кишлаке.

Социальные результаты этого процесса проявлялись в классовой структуре узбекского кишлака; в то время, как в России в составе всего крестьянского хозяйства эксплуататорская группа в 1913 г. составляла 15%, середняки — 20% и бедняцкая группа — 65%, в Узбекистане соответствующие социальные группы составляли 11, 17 и 72%.

Все эти особенности в социально-экономическом строе сельского хозяйства в предоктябрьский период наложили свой отпечаток на процесс социалистического преобразования сельского хозяйства.

II. Создание предпосылок к коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане

Как теоретические основы кооперирования мелких товаропроизводителей в сельском хозяйстве рассматриваются марксистско-ленинские положения о преимуществах крупного хозяйства перед мелким, социалистического сельского хозяйства перед любым другим хозяйством, установки, данные В. И. Лениным в его кооперативном плане; рассматривается, применительно к Узбекистану, ленинское положение о возможности приобщения отсталых стран к социалистическому строительству. Как политические предпосылки коллективизации сельского хозяйства Узбекистана рассматриваются установление и упрочение диктатуры пролетариата в центре России и в Средней Азии; характеризуются социальные и экономические факторы, обуславливавшие необходимость национально-государственного размежевания народов Средней Азии и вхождение Узбекистана в состав добровольного государственного Союза социалистических республик; освещается процесс укрепления союза узбекского дехканства с русским рабочим классом, имевший особо важное значение в связи с малочисленностью и низкой политической активностью в то время национального пролетариата; показаны меры, осуществленные партией в первые годы советской власти для преодоления последствий колониально-национальной политики царизма и обеспечения дружественных, национальных взаимоотношений, а также для высвобождения трудящихся из-под влияния как местных буржуазных националистов, так и великодержавных шовинистов.

Особенностью местных условий было вызвано своеобразие метода практического осуществления в Узбекистане декрета Советской власти о национализации земли в России.

Аграрная революция, повсеместно происходившая в центре России уже в 1917 году, медленно распространялась в восточных отдаленных окраинах. Это обуславливалось главным образом следующим:

1. Низким уровнем классового самосознания дехкан, как следствием их культурной и политической отсталости, объясняемая, в свою очередь, низким уровнем развития производительных сил края.

2. Глубокими пережитками феодально-патриархальных и тесно связанных кровными узами родовых отношений, которые использовались эксплуататорскими кругами для завуалирования классовых противоречий.

3. Сильным влиянием на массы религиозных предрассудков. Духовенство пользовалось своим влиянием для того, чтобы препятствовать социалистическому переустройству экономики.

4. Молодостью и слабостью местных коммунистических организаций, национального пролетариата и значительной засоренностью органов власти националистическими и другими реакционными элементами.

5. Малочисленностью политически подготовленных национальных кадров, способных осуществлять меры, вытекающие из первых декретов Советского правительства с учетом местных экономических, социальных условий.

6. Продолжающимися действиями басмачества.

В отличие от многих других районов России, в которых после декрета о земле повсеместно производилась конфискация помещичьих земель, в Узбекистане специальными декретами СНК Туркестанской Народной Республики подверглись конфискации лишь имения, принадлежащие Николаю II, его чиновникам, а также земли наиболее крупных помещиков и феодалов; размер конфискованных земель за 1918—1920 гг. не превышал 100 тыс. десятин; несмотря на декрет IX съезда ТуркЦИКа (сентябрь 1920 г.), которым был подтвержден декрет правительства РСФСР о земле, основная масса крупных землевладельцев продолжала распоряжаться землей, как объектом хозяйства до проведения земельно-водной реформы 1926—1927 гг., и землепользование продолжало фактически основываться на порядках, имеющих многовековую давность.

Особенно сильное влияние на характер землепользования оказывали шариат и адат; в Бухарской и Хорезмской народных республиках дехкане, внесшие пожертвования в пользу мечетей и медресе, освобождались от уплаты натурального налога, а вакуфные земли вовсе не облагались.

Проведение конфискации земель помещиков и феодалов требовало ряда подготовительных мер, способствующих дифференциации местного населения, высвобождению трудящихся дехкан из-под экономического и идеологического влияния эксплуататоров и буржуазных националистов и их решительный переход на сторону рабочего класса, также способствующих ликвидации последствий колониально-аграрной политики царизма.

В диссертации рассматривается процесс проведения земельно-водной реформы 1920—21 гг. в ряде районов Туркестанской республики, в которых проводилась усиленная царская колонизация, и указывается на огромное социальное значение этой реформы, несмотря на то, что она не могла получить широкого размаха и не дала больших экономических результатов.

Руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма о

путях разрешения аграрного вопроса в зависимости от местных условий и об отличии задач революции пролетарской и буржуазной, в диссертации рассматриваются реформа 1920—21 гг., равно как и земельно-водные реформы, проведенные в Узбекистане в последующие годы, как аграрная революция, направленная на фактическое изъятие земель, находящихся в свободном пользовании помещиков и феодалов как объекты хозяйства и как аграрная революция, происходившая в условиях победы диктатуры пролетариата в отличие от центральных и многих других районов СССР, в которых аграрная революция по времени совпала с борьбой за власть.

Анализируя аграрные отношения в Узбекистане в годы до национально-государственного размежевания народов Средней Азии и сложившиеся на этой основе отношения различных слоев крестьян в производстве, а также успехи, достигнутые здесь в деле укрепления союза рабочего класса с середняком и роста классового самосознания бедноты, в работе показывается, что с 1925 г. стало возможным проведение земельно-водной реформы последовательно по группам областей с учетом их уровня хозяйственного развития, политической активности населения и степени влияния в них эксплуататорской группы.

В Ферганской, Ташкентской и Самаркандской областях, в которых сельское хозяйство к этому времени характеризовалось глубоко проникшими товарно-денежными отношениями и значительным влиянием плано-регулирующей роли в его развитии хлопководческой, мелиоративной и кредитной кооперации, земельно-водная реформа проводилась в первую очередь. Во вторую очередь она проводилась в областях, Заревшанской, Хорезмской и Кашка-Дарьинской, в которых все еще сильны были пережитки феодально-патриархального уклада хозяйства. В результате проведения земельно-водной реформы в четырех областях свыше 12% всех дехканских хозяйств республики или более 22% безземельных и малоземельных получило 258 тыс. десятин земли, составивших 14% ко всей обрабатываемой земли республики; каждое из этих хозяйств было наделено землей в размере от 2 до 4 десятин; к изъятию земель подверглись около 40 тыс. крупных землепользователей, составивших свыше 5% от всего числа крестьянских хозяйств, а земли изъятые у них, составили 11% всей обрабатываемой земли этих областей. Учитывая интересы середняка, нормы трудового надела устанавливались по областям от 7 до 10 десятин в зависимости от направления их хозяйственной деятельности и условий орошения.

Количество хозяйств, арендовавших землю у помещичье-феодальной группы и у кулацко-байских элементов с 42,5% до реформы сократилось до 5,6% после реформы, на 86% сократилось чайрекерство; примерно 48 млн. рублей денежные средства дехкан, уходив-

ших ежегодно из сферы сельского хозяйства на непроизводительные затраты кишлачных эксплуататоров в виде цен на землю и денежной арендной платы превратился в один из источников развития производительных сил сельского хозяйства республики; возникали десятки новых колхозов на земле, изъятой у крупных землепользователей. Таким образом, земельно-водная реформа сыграла серьезную роль в перегруппировке как классовых сил, так и хозяйственных форм в пользу социализма.

В обстановке борьбы социалистического, феодального и капиталистического укладов под лозунгом «кто-кого» была обеспечена перегруппировка хозяйственных форм в сторону усиления роли социалистического сектора: восстановлена промышленность, из года в год усиливалась организующая деятельность хлопководческой, мелиоративной, кредитной и других видов сельскохозяйственной кооперации. В силу высокой товарности хозяйство крестьян в Узбекистане, охват сельскохозяйственной кооперацией их был значительно более высоким, чем по СССР в целом. В то время как кооперированность крестьянских хозяйств в среднем по СССР составила в 1925 г. 25,2% и в 1926 г. 31,6%, по Узбекистану соответствующие данные составляли 54,2% и 63,8%. Все более ограничивая сферу влияния частной рыночной стихии, плановое начало стало овладевать сельским хозяйством; за период 1925—1928 гг. удельный вес сельскохозяйственных коопераций в заготовках каракуля по Узбекистану возрос с 4,2% до 83,2%, шелковых коконов — с 17,5% до 100%, шерсти с 0,9 до 88%, овчины — с 4% до 56%.

Сельскохозяйственная кооперация владела таким мощным методом воздействия на крестьянское хозяйство, как контрактация.

Контрактация явилась важнейшей формой непосредственной смычки между кооперированным крестьянским хозяйством и социализированной промышленностью, а также действенной формой планового государственного руководства сельским хозяйством. Высокая товарность и вследствие этого большая связь хозяйства дехкан в Узбекистане с рынком являлись факторами, благоприятствовавшими высокому уровню контрактации продукции сельского хозяйства. В 1928 году контрактацией было охвачено почти все посе-вы хлопчатника и более трех четвертей остальных видов сельскохозяйственных культур республики.

Обсуждение контрактационных договоров на бедняцких и общекишлачных собраниях, установление при контрактации четких социально-классовых норм выдачи авансов и снабжения товарами, введение принципа безавансовой контрактации посевов кулацких и байских хозяйств — все это явилось «наилучшей формой экономического массового объединения крестьянства, развития его самодет-

тельности и инициативы, формой его хозяйственного и культурно-политического перевоспитания, вовлечения в русло обще-социалистического строительства». (КПСС в резолюциях, ч. 2. стр. 476).

Появились и развивались социалистические сельскохозяйственные предприятия, совхозы и колхозы, которые, преодолевая серьезные трудности, связанные с установлением правильных организационных форм управления, накапливали опыт и по мере своего развития демонстрировали преимущества крупного коллективного хозяйства перед мелким индивидуальным во всех отношениях экономической жизни. В то время как при ручном способе на обработку одной десятины хлопчатника в единоличном хозяйстве требовалось затратить 127 рабочих дней, в колхозах при рядовом машинном посеве требовалось 73 рабочих дня. При этом средняя урожайность в 59-ти обследованных колхозах в 1927 году была на 25% выше, чем в окружающих их индивидуальных хозяйствах. Колхозы в 1927 г., составлявшие по числу хозяйств всего лишь 1,2% и по посевной площади 1,2%, дали 3% всей продукции хлопка-сырца республики.

На основе успехов, достигнутых в восстановлении народного хозяйства СССР, и учитывая зависимость дальнейшего развития сельского хозяйства, равно как и промышленности, от крупной материально-технической базы, партия и Советское государство обеспечивали преимущественный рост производства средств производства, высокие темпы социалистической индустриализации, преодолевая при этом огромные трудности в изыскании собственных источников средств и в борьбе со всеми враждебными социализму элементами.

Созданное в СССР отечественное машиностроение снабжало сельское хозяйство Узбекистана, равно как и других союзных республик, необходимым оборудованием. По сравнению с 1926/27 г. в последующие два года завоз плугов в Узбекистан увеличился более чем в 4 раза, борон примерно в 4 раза, культиваторов — в 22 раза, хлопковых сеялок — более чем в 9 раз, тракторов — почти в 9 раз.

На основе увязки экономического развития республики с народнохозяйственным планом СССР, в колониально-отсталом в прошлом Узбекистане, где тяжелая промышленность была в зачаточном состоянии, за годы социалистической индустриализации были вновь созданы машиностроительные, химические, энергетические, металлообрабатывающие и другие предприятия, которые способствовали созданию и расширению материально-технической основы коллективизации сельского хозяйства.

Значительное место отведено в работе рассмотрению тех социальных сдвигов, которые последовали за изменениями, происшедшими в экономике кишлака в годы подготовки коллективизации.

Благодаря особенностям расслоения крестьянства при диктатуре пролетариата после земельно-водной реформы середняк укрепился в качестве центральной фигуры кишлака. Происходило сокращение крайних двух социальных групп: если удельный вес помещичье-феодалов и кулацко-байских хозяйств составлял в 1913 г. 11%, то к 1928 г. помещичье-феодаловые хозяйства были почти полностью ликвидированы, а кулацко-байская группа составляла всего 5% крестьянских хозяйств. За это время удельный вес батрацко-бедняцкой группы по числу хозяйств сократился с 72% до 43%, а середняцкой группы — повысился с 17 до 53%.

Особенностью классовой структуры кишлака явилось некоторое увеличение числа бедняцких хозяйств до земельно-водной реформы при одновременном значительном сокращении числа безземельных и незначительном сокращении числа помещичье-феодалов и кулацких хозяйств.

Происходившая трансформация малопосевных бедняцких хозяйств в группу середняцких до земельно-водной реформы не получила широкого простора и, в отличие от деревни центральной России, где середняк стал центральной фигурой земледелия уже в первый период нэпа, в узбекском кишлаке он стал центральной фигурой лишь после земельно-водной реформы 1925—26 гг.

Теми же самыми факторами, которыми обуславливались необходимость своеобразных форм и методов разрешения аграрного вопроса, был также обусловлен более медленный процесс ограничения и вытеснения феодалов и кулацко-байских элементов в кишлаке.

Для Узбекистана еще в большей степени, чем для Кавказа, имело значение указание В. И. Ленина о том, что: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР». (В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 296).

В то время как за период с 1913 г. по 1924 г. удельный вес сельской эксплуататорской группы в составе крестьянского хозяйства СССР в целом снизился с 15 до 4—5%, в Узбекистане он снизился с 11 до 7%, а в 1928 г. соответствующие данные составляли 4% и 5%; действие и влияние эксплуататорской группы в узбекском кишлаке были значительно сильнее, чем в деревне центральных районов СССР.

Обострились классовые противоречия в кишлаке, объясняемые, в своей основе, происшедшими социально-экономическими сдвигами. Байская и кулацкая группа, сомкнувшись с ожившими в годы нэпа городскими буржуазными элементами и духовенством, усиливала, особенно в пореформенный период, свое противодействие наступающему социализму. Она пыталась оказывать антисоветское влияние

на отсталые слои дехкан, рабочих, кустарей, ремесленников и овладеть сознанием середняка, ставшего к этому времени центральной фигурой кишлака.

Используя в своих классовых интересах политическую и культурную отсталость населения, религиозные предрассудки, своеобразные родовые отношения и обычаи народов, в некоторых районах феодально-байские элементы захватывали или же добивались возвращения бедняками земли, полученной ими по земельно-водной реформе. В девяти районах Ташкентского округа были отмечены 20 случаев захвата земли прежними владельцами, три случая захвата ими урожая и девять случаев обработки земли бедняками совместно с бывшими владельцами. В классовой борьбе вдохновляли и поддерживали байство и кулачество буржуазно-националистические элементы, проникшие обманым путем в партию и связанные с разоблаченными впоследствии буржуазно-националистическими контрреволюционными организациями «Милли иттиход» («Национальное освобождение») и «Милли истиклял» («Национальная свобода»). Понимая, что проведение земельно-водной реформы подрывает ту социальную базу, на которую националисты опирались в своей борьбе против социалистического строительства в кишлаке, они пытались всеми средствами воспрепятствовать проведению этой реформы. Открыто выступала против проведения земельно-водной реформы так называемая группа «18-и», которая по-существу пыталась отстаивать классовые интересы эксплуататорской верхушки кишлака в духе программы «джадидов», «младобухарцев», «младохивенцев» и других, выражающих интересы национальной буржуазии, и враждебных социализму группы.

При обострившихся условиях классовой борьбы особое значение приобретала активизация работы с бедняцкой группой и по укреплению союза с середняком. В 1927/28 гг. в связи с выборами местных советов и правления низовой сети кооперации в кишлаках и аулах республики были проведены общие собрания бедноты; только по 9 районам Ташкентского округа созывалось 628 собраний с участием более 470 тысяч дехкан. Значительно повысилось классовое самосознание и активность трудящихся слоев кишлака, что довольно четко проявилось при проведении выборов в советы в 1928 году; удельный вес бедняков в составе кишлачных советов возрос с 56% в 1927 году до 69% в 1929 году. Большую роль сыграла в деле роста классового самосознания и политической активности бедноты налоговая и кредитная политика Советского государства по отношению к различным социальным группам крестьянства. В то время как каждое хозяйство, с посевом от 1 до 2 десятин, уплачивало сельхозналога по Андижанскому и Ферганскому округам в 1926 году, в среднем, 11 р. 87 коп., и в 1927 году 8 р. 50 коп., а хозяйства с

посевом от 9 до 10 десятин соответственно уплачивали 179 рублей 52 коп. и 199 руб. 24 коп.; в 1928 году бедняцкая группа получила 95,2% долгосрочных и 89,7% краткосрочных ссуд, середняцкая группа 4,8% долгосрочных и 10,3% краткосрочных ссуд, а зажиточная группа не кредитовалась.

Проведение политики ограничения и вытеснения байских и кулацких элементов, оживление и укрепление работы союзов «КОШЧИ», советизации кишлака, классовая дифференсация в применении налоговой кредитной и других форм экономической политики Советского государства — все это привело к усилению политической активности бедняков и середняков. Партия, используя все экономические рычаги, организуя бедноту, комсомол и профессиональные союзы на борьбу против кулацко-байских элементов, ведя непримиримую борьбу со всякими буржуазно-националистическими и право-оппортунистическими уклонами, обеспечила социально-классовые предпосылки коллективизации сельского хозяйства республики.

III. Производственно-социальный переворот в узбекском кишлаке

С начала 1930 г. в сельском хозяйстве Узбекистана происходил коренной перелом: решительный поворот середняка на путь колхозов. Удельный вес середняцких хозяйств в колхозах республики с 8,5% в 1928 г. возрос до 34,4% в 1930 г. Колхозное движение превратилось в широчайшее движение бедняцких и середняцких масс, вставших на путь сплошной коллективизации.

На основе изучения и обобщения архивных источников в диссертации отмечаются три периода процесса сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана по темпам его развития:

Первый период — с конца декабря 1929 г. до марта 1930 года; темпы коллективизации опередили всякие предположения, и процент коллективизации повысился по числу дехканских хозяйств с 10% до 45%, а по посевной площади с 7,5% до 40%.

Второй период — с апреля по июнь 1930 г.; процент коллективизации снизился по числу дехканских хозяйств до 29% и по посевной площади до 29,3%.

Третий период — период нового подъема колхозного движения, который начинается со второй половины 1930 года. В работе рассматриваются те факторы, которыми были обусловлены столь резкие колебания в темпах коллективизации.

В главе показывается разносторонняя организаторская и идеологическая работа партии по преодолению серьезных трудностей, возникших при революционном преобразовании сельского хозяйства и для восстановления грубо нарушенного в Узбекистане в пер-

вый период сплошной коллективизации правильного отношения к середняку, а также для того, чтобы закрепить достижения колхозного движения. Главной особенностью процесса коллективизации в Узбекистане явилась замена экономического строя, сохранившего глубокие пережитки феодализма и черты патриархально-родового уклада, строем социалистическим, тогда как в центральных районах СССР коллективизация сельского хозяйства заменила в деревне социалистическим строем буржуазный строй. Имелись и другие особенности. Наиболее характерными из них являются:

1. Наличие в Узбекистане ряда факторов, которые, с одной стороны, в большей степени, чем в центральной части СССР, способствовали коллективизации, с другой стороны, значительно затрудняли этот процесс.

2. Более высокие темпы и уровень коллективизации в Узбекистане как по числу крестьянских хозяйств, так и по степени обобществления средств производства по сравнению с многими другими республиками и с средними данными по СССР. В 1934 г. коллективизацией было охвачено в Узбекистане 80,1% крестьянских хозяйств, при соответствующих данных в ЗСФСР — 44,7%, Белорусской ССР — 56%, Украинской ССР — 78%, РСФСР — 72%, а в среднем по СССР — 71,4%.

3. Высокий удельный вес сельскохозяйственных артелей в составе уставных форм колхозов, составлявший по годам коллективизации от 92,4 до 99,4% при колебании соответствующих данных от 23,5% до 97,1% в других союзных республиках и от 34,8 до 96,3% по СССР в среднем. К факторам, в большей степени, чем во многих других районах Союза, опосредовавшим коллективизации в Узбекистане относятся: во-первых, значительно высокий удельный вес бедняцко-батрацкой группы в социальном составе всего крестьянского хозяйства. В 1928 г. в Узбекистане бедняцкая группа составляла 43% против 35% в целом по СССР; во-вторых, более высокая, чем в зерновом хозяйстве трудоемкость хлопковой культуры и большая ее потребность в оборотных средствах, в размере, непосильных индивидуальным бедняцким хозяйствам, что обусловило более активную тягу дехкан в колхозы; в-третьих, земельно-водная реформа, проведенная накануне массовой коллективизации и сопровождавшаяся объединением в колхозы батраков и бедняков, наделенных землей и получивших сельхозинвентарь в связи с реформой; в-четвертых, более широкий, чем в других районах СССР, охват контрактацией и различными видами снабженческо-сбытовой кооперации сельскохозяйственного производства в виду его значительно высокой товарности; в-пятых, использование государством мелиорации и ирригации, как действенного рычага в социалистическом переустройстве кишлака; вновь осваиваемые орошаемые земли пред-

ставлялись в основном коллективным объединениям трудовых дехкан.

Далее в диссертации рассматриваются условия, затруднившие коллективизацию в Узбекистане в большей мере, чем в центральных районах СССР. Известно, что в годы восстановления народного хозяйства после первой мировой и гражданской войн в Узбекистане, равно как и во всех других отсталых районах Союза, были обеспечены более высокие темпы развития народного хозяйства, нежели в центральных районах СССР, и достигнуты значительные успехи в экономическом подъеме их сельского хозяйства.

За период с 1924 по 1928 гг. посевная площадь в Узбекистане на одно хозяйство в среднем возросла с 1,06 до 2,25 га, поголовье рабочего скота увеличилось с 0,46 до 0,96, — обеспеченность плугами возросла в 2,6 раза, арбами — в 1,7 раза и грамотность населения увеличилась более чем в 2 раза. Тем не менее, период от Октябрьской революции до коллективизации сельского хозяйства был далеко недостаточным для того, чтобы уравнивать в экономическом и культурном отношении бывшие отсталые окраины с ушедшими далеко вперед районами России; в первые годы Советской власти противоречие между требованием задач социалистического экономического и культурного равенства народов и фактически их неравенством было исключительно острым. Накануне сплошной коллективизации стоимость земледельческого орудия в расчете на 1 га посева в центральных районах РСФСР была в 10—11 раз больше, чем в Ферганской и Ташкентской областях. В 1927 г. валовая продукция сельского хозяйства по СССР составляла 103% довоенного уровня, а в Узбекистане она составляла 76,4%; грамотных в составе населения РСФСР было — 52,8%, БССР — 53,3%, ЗСФСР — 37% и СССР в среднем 51,3%, а в Узбекистане — всего лишь 14%.

В прошлом из-за малоземелья и высокого торгового характера земледелия земля часто переходила из рук в руки и меняла своего владельца. Вместе с этим существовавшее наследственное право землевладения, регламентировавшееся законом ислама и своеобразными родовыми обычаями, привело к тому, что земельные наделы крестьян в Узбекистане отличались вплоть до коллективизации многоучастковостью и чересполосицей в большей степени, чем в центральных районах России. К тому же земельные участки в Узбекистане отличались большим числом оросительных сетей, приспособленных к парцеллярным земельным участкам, и глинобитными изгородями, разделяющими наделы крестьян в виду подворно-участковой формы землепользования. Все эти условия хозяйствования в большой степени затрудняли в Узбекистане сведение индивидуальных распыленных участков в единые коллективные земельные массивы.

Чайрекерство и ростовщичество как пережитки феодальных отношений оставались вплоть до коллективизации более распространенной, чем в других районах СССР, формой экономической зависимости бедняцко-батрацкой группы от кулацко-байских элементов; в районах Бухары и Хивы насчитывались десятки родовых и племенных делений, выражавшие пережитки патриархально-родовых отношений. На протяжении веков религиозные предрассудки смешались и переплелись с обычаями и культами узбеков в различных формах. Влияние шариата особенно глубоко вошло в бытовую жизнь узбеков и довело женщин-узбечек до затворничества. В годы подготовки и проведения коллективизации кулацко-байские элементы, с помощью духовенства, ожесточенно боролись против раскрепощения женщин, узбечек; они заставляли своих родственников, приближенных и отдельных дехкан, используя их несознательность и религиозный фанатизм, поклясться на коране держать священную клятву по закону шариата, что те убьют женщин, снявших паранджу, как «отступницу» от ислама.

Особенностью бытовых отношений была вызвана необходимость в первые годы массовой коллективизации, организации женских артелей, без участия мужчин. В 1929 году было организовано 500 артелей с охватом 14 тыс. женщин; в 1930 году — 1665 артелей, в которые входили 52866 женщин и 1600 бригад внутри колхозов с участием 33843 женщин-узбечек.

Однако благодаря укреплению союза со середняком и изоляции кулацко-байских элементов, активной помощи рабочего класса, огромной материально-технической и финансовой поддержке Советского государства, действенной экономической и организующей роли МТС и совхозов, а также благодаря претворению партией в жизнь марксистско-ленинской теории социалистического строительства, применительно к специфическим условиям Узбекистана, действие факторов, благоприятствовавших победе колхозного строя, успешно преодолело и опередило действие факторов, затруднявших процесс коллективизации. Тем самым были обусловлены более высокие темпы и уровень коллективизации в Узбекистане по сравнению со многими союзными республиками и с СССР в целом.

Серьезная передвижка классовых сил в пользу социализма, происшедшая в кишлаке к началу 1930 г., обусловила переход от политики ограничения и вытеснения кулацко-байских групп к политике ликвидации их как класса на базе сплошной коллективизации. Началась ликвидация экономических основ существования и развития байства и кулачества. Кулацко-байские элементы, всячески поддерживаемые буржуазными националистами, реакционным духовенством и другими антисоветскими элементами, оказывали жестокое сопротивление, не останавливаясь ни перед какими средствами и методами борьбы.

В условиях ожесточенной классовой борьбы партия провела целую систему мероприятий по усилению организационной и экономической помощи рабочего класса трудящимся дехканам.

Более 700 рабочих из числа двадцатипяти тысячников находилось в то время в сельском хозяйстве Узбекистана. Коллективы ряда предприятий Москвы, Иваново-Вознесенска, Твери, Ташкента и Самарканда шефствовали над округами, районами Узбекистана. Представители рабочего класса налаживали отношения с середняком, опираясь на союзы «Кошчи», изгоняли из колхозов чуждые элементы, вносили дух организованности и дисциплины, помогали дехканам убедиться в преимуществах коллективного труда.

Потерпевшие поражение в открытом бою кулаки и баи устремлялись в колхозы, чтобы разлагать их изнутри. В силу изложенных уже социальных, культурных и бытовых особенностей, для проникновения классово чуждых элементов в колхозы в условиях Узбекистана имелись более широкие возможности, чем в центральных районах СССР. Проверкой, произведенной в 1932 г. состава руководящих кадров 10300 колхозов республики, выявлено 3550 классово-чуждых элементов, из которых 596 оказались пробравшимися на должность председателей сельхозартелей; из числа проверенных 100 счетных работников колхозов 83 оказались социально-чуждыми.

Антисоветские элементы, проникая в колхозы, всячески старались сорвать мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства, действуя «тихой сапой», используя несознательность части колхозников.

Огромная, поистине революционная работа в деле укрепления колхозов в политическом, организационном и хозяйственном отношениях была проведена политотделами МТС, созданными в годы завершения коллективизации, в соответствии с требованиями изменившихся форм и условий классовой борьбы в деревне.

Колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей антифеодальной и антикулацкой лавины, смяло сопротивление эксплуататорских групп и проложило дорогу для широкого социалистического строительства в кишлаке. За период 1930—1934 гг. было ликвидировано более 40 тыс. кулацко-байских хозяйств, составлявших, примерно, 5% ко всему числу крестьянских хозяйств республики.

В узбекском кишлаке происходил производственный переборот, и он выражался в создании к 1934 г. 8737 колхозов, объединивших 80,6% всех крестьянских хозяйств вместо существовавших ранее более 860 тысяч распыленных дехканских хозяйств. Удельный вес колхозов и совхозов в общей посевной площади республики с 1,05% в 1928 г. возрос до 95,6% в 1934 г.

IV. Общественная собственность на средства производства — основа социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве Узбекистана

В данной главе рассматриваются возникновение и развитие социалистической собственности в кишлаке, характер взаимоотношений колхозного крестьянства в производстве и формы распределения общественного продукта в колхозах Узбекистана.

После того, как вкратце излагается теория вопроса о двух путях возникновения социалистической собственности, показываются процесс возникновения и развития колхозно-групповой собственности на последовательных этапах социалистического строительства, а также процесс изменения соотношения экономических укладов в сельском хозяйстве Узбекистана.

Из существовавших до коллективизации в сельском хозяйстве республики 5-ти укладов после победы колхозного строя остались два: изжил себя патриархальный уклад; были ликвидированы феодальный и капиталистический уклады, эксплуататорские хозяйства, занимавшие во всей посевной площади республики в 1913 г. 30%, в 1928 г. — 10%, в 1932 г. — 1,7%, к 1934 году, как социальный уклад, перестали существовать; мелкотоварный уклад с его отсталой средневековой техникой занимал незначительное место, его удельный вес в 1934 г. в посевной площади республики составлял не более 4—5%, а в 1938 г. всего лишь 1,2%.

Социалистический сектор стал безраздельно господствующим в кишлаке, экономические законы социализма стали объективно присутствующими всему сельскохозяйственному производству и получили полный простор и в этой сфере народного хозяйства.

В диссертации показываются источники образования и рост колхозно-групповой собственности, изменение удельного веса источников, образующих ее, выясняется структура основных средств и преимущественный рост основных средств производственного назначения.

Неделимые фонды колхозов, составляющие основу колхозно-групповой собственности, за период с 1935—1953 гг. в расчете на единицу гектара пашни, увеличились более чем в 19 раз, причем они росли главным образом за счет внутрихозяйственных накоплений. Удельный вес средств, поступающих в неделимые фонды из других источников, постоянно снижается, и в 1953 г. он составлял всего лишь 5,1% против 29,7% в 1935 г.

На основе анализа использования колхозами денежных средств неделимых фондов и структуры затрат средств капиталовложений показывается, в какой мере их движение соответствует задачам укрепления колхозно-групповой собственности и выявляются резервы ее увеличения.

За изменениями, происшедшими в составе и соотношении экономических укладов, последовали соответствующие социальные изменения. Изменился характер взаимоотношений крестьянства в производстве, который принципиально отличается от характера взаимоотношений различных социальных групп дехкан в дореволюционном Узбекистане.

Кулацко-байская группа, составлявшая по числу хозяйств в 1928 г. 5%, снизилась в 1932 году до 1,1%, а в 1934 г. перестала существовать как социальная единица, навсегда исчезли в кишлаке отношения экономического господства и подчинения, веками терзавшие трудящихся дехкан и выступавшие вплоть до коллективизации в основном в форме пережитков феодальных отношений.

Частная собственность на средства производства в дореволюционном кишлаке неизбежно разъединяла людей, порождала отношения господства и подчинения, вызывала противоположность интересов и классовую борьбу. Общественная собственность на средства производства объединила людей, послужила основой общности их интересов, товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи.

В работе показывается процесс возникновения и роста рабочего класса и советской интеллигенции в кишлаке, выросших из среды в прошлом отсталых в культурном отношении крестьян, характеризуется их социальная природа.

Особенно примечательны коренные изменения, происшедшие в быту узбекских крестьян вообще, женщин-узбечек в частности, благодаря ликвидации, на основе обобществления средств производства, той социальной базы, которая на протяжении веков укрепляла устойчивую патриархальную семью со всеми ее реакционными традициями и обычаями; благодаря социалистическим производственным отношениям, женщина завоевала себе право быть равной с мужчиной во всех отраслях общественной жизни и производства. В годы Великой Отечественной войны от 60 до 64%, а в послевоенные годы от 48 до 52% всех колхозных трудодней выработано женщинами. Более 18% всего числа административного персонала колхозов республики составляют женщины, свыше 150 женщин являются председателями колхозов и их заместителями, а более 28 тыс. женщин руководят полеводческими бригадами и звеньями, 37,5% учителей сельских школ составляют женщины, более 50% всех учащихся в школах — девушки.

Изменилась классовая природа мелких товаропроизводителей. Крестьянство из носителя частно-капиталистических отношений, каковым оно являлось при индивидуальном, основанном на частной собственности на средства производства, хозяйстве, стало носите-

дем новых, социалистических производственных отношений. Однотипные с промышленностью социалистические производственные отношения в узбекском кишлаке являются основой морально-политического единства узбекских крестьян и рабочего класса, экономической базой дальнейшего укрепления союза этих двух дружественных классов.

Сообразно изменениям, происшедшим в формах собственности и следовательно в способе производства, изменился характер распределения продуктов.

Как показывает анализ, распределение колхозных доходов отражает отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации людей; нетрудовые доходы в колхозах не имеют места. При распределении известная часть доходов выделяется для возмещения потребленных государственных и колхозных средств производства и на покрытие общественных нужд советского общества и самого колхоза. Соотношение доходов, предназначенных для производственного и личного потребления, вполне сообразуется с задачами обеспечения преимущественного роста производственного потребления. Вместе с тем исследование показывает, что доли отчисления и затрат по ряду объектов, входящих в комплекс производственного потребления, не соответствуют их экономическому значению в воспроизводстве. За период 1935—1953 гг. отчисления от денежного дохода на пополнение неделимого фонда, составляющего основу роста колхозно-групповой собственности, увеличились в 1,7 раза, а доля текущих производственных затрат — более чем в 4 раза; причем до 78% текущих производственных затрат составляют так называемые «прочие затраты», всемерное сокращение которых является важнейшим подспорьем для организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Высокая товарность колхозов Узбекистана позволяет им максимально увеличить отчисления от денежных доходов на пополнение неделимых фондов. Между тем в 1953 году более 65% колхозов республики отчислили на пополнение своих неделимых фондов всего лишь 15—16% денежных доходов, или значительно меньше, чем в среднем по республике (18%) и только 9% колхозов отчислили более 18%. Подтягивание размера отчислений от денежных доходов всех возделывающих в основном технические культуры колхозов до среднего по республике уровня и выше его позволило бы колхозам значительно увеличить денежные средства неделимых фондов и тем самым создать материальные условия для дальнейшего, еще более мощного роста колхозно-групповой собственности.

V. Создание и расширение материально-производственной базы общественного хозяйства колхозов

Одной из особенностей материально-производственной базы колхозов Узбекистана является сопряженность использования имущественных фондов крупными материальными и трудовыми затратами в силу особенностей природно-почвенных условий. Из общей поверхности территории Узбекистана 6% составляют почвы горного внеземледельческого пояса, 38% — сероземы, 21% — пустынные почвы, 16% — гидроморфные и 20% — солончаки и пески с галечниками.

Большая часть ныне не засоленных земель отличается неглубоким залеганием минерализованных вод (до 2 м от поверхности почвы). Залегания воды выше критического уровня в зависимости от состояния полива, вызывает засоления и заболачивания почвы.

По данным Академии Наук Узбекской ССР почвы, подверженные засолению и заболачиванию составляют в орошаемых районах 74% всего земельного фонда и около 54% всей площади, занятой под посевами сельскохозяйственных культур.

Замена старых, в своем преобладании докапиталистических производственных отношений, новыми, социалистическими отношениями дала простор веками прозябавшим производительным силам узбекского кишлака, позволила трудящимся дехканам с помощью рабочего класса привести в движение неисчерпаемые резервы для развития сельского хозяйства.

Общий земельный фонд, находящийся в фактическом пользовании колхозов, с 6634 тыс. га в 1935 году увеличился до 20953,8 тыс. га в 1953 году. При этом степень использования пахотных земель повысилась с 76,4% в 1940 г. до 81% в 1953 г. Колхозами сконцентрировано свыше 89% всей категории пахотных земель, около 92% пашни, 82% перелогов и залежей, почти 84% всех выгонно-пастбищных угодий республики.

Средняя земельная обеспеченность, исходя из расчета на одно крестьянское хозяйство в 1953 году возросла по сравнению с 1935 годом в 2,7 раза, а с 1913 г. — в 11 раз.

За период 1939—1953 гг. значительно улучшено ирригационное состояние поливных земель на площади более 600 тыс. га; площадь орошаемых земель за счет нового строительства увеличена на 355 тыс. га, что в 4,4 раза превышает прирост данной категории земель в дореволюционном Узбекистане за 34 года колониального господства царизма. К 1954 году число оросительных систем достигло 830 с общей протяженностью свыше 160 тыс. км, которые ежегодно забирают из рек примерно 20 млрд. куб. метров воды, достаточной для орошения 2 млн. га площади. На оросительных системах построено

свыше 10 тыс. гидротехнических сооружений, более 19 тыс. гидротехнических постов для учета расхода воды и 900 насосных станций, обеспечивающих подачу воды в 10 раз большую, чем существовавшие в дореволюционный период свыше 60 тыс. примитивных чигирей.

Благодаря успехам социалистической промышленности механизация земляных работ в ирригационном строительстве повысилась с 11% в 1940 г. до 60% в 1953 г.

Однако удельный вес земель с оросительной сетью в земельном фонде колхозов продолжает оставаться низким, и в 1953 году он не превышал 20%. К тому же более 12%, или свыше 300 тыс. гектаров земель с оросительной сетью, продолжают оставаться ежегодно не использованными, что означает замораживание, примерно, 4,1 тыс. рублей государственных капитальных затрат на ирригационные работы, в расчете на каждый гектар этих земель.

Проблема дальнейшего расширения в колхозах орошаемых земель и их рационального использования может быть разрешена путем осуществления мероприятий главным образом в следующих направлениях:

а) регулирования стока крупных рек посредством строительства водохранилищ или же водосборных каналов;

б) рационального использования наличных водных ресурсов в ирригационной сети, прежде всего, посредством уменьшения потерь воды при ее транспортировке и распределении. Уменьшение хотя бы на 20% потерь воды в оросительных системах позволяет расширить площадь орошаемых земель в зонах эксплуатируемых оросительных систем на 200—250 тыс. га;

в) перенесения посева сельскохозяйственных культур, требующих полива, в основном, в первой половине лета, на пашни, подведенные к источникам орошения, имеющим в это время избыток воды;

г) осуществление мер, обеспечивающих использование земельных излишков одних колхозов другими колхозами, располагающими достаточными трудовыми и тягловыми ресурсами. Положение устава сельскохозяйственной артели, не допускающее перераспределения земельных излишков между колхозами, следует признать устаревшим и препятствующим дальнейшему развитию производительных сил в колхозах;

д) повсеместного проведения промывных поливов в осенне-зимний период, когда, как это доказано исследованиями почвоведов, вымывается из почвы на 25—30% больше солей, чем при весенней промывке;

е) широкого применения рекомендуемого САНИИР временного дренажа, позволяющего, при сочетании с постоянной капитальной

коллекторно-дренажной сетью, освоить засоленные земли при меньших затратах труда, средств и воды по сравнению с постоянным глубоким дренажем;

ж) завершения перехода на новую систему орошения. Основываясь на опыте передовых колхозов, можно предполагать, что при полном осуществлении перехода на новую систему орошения на площади 1842,6 тыс. га, т. е. на фактический поливной посевной площади 1953 г., колхозы республики за счет этого источника могли бы получить свыше 46 тыс. га новых орошаемых земель, что составляет резерв, значительно превышающий среднегодовой прирост их орошаемых земель за последние 7 лет.

Концентрация государственных средств в МТС для производственного обслуживания колхозов дала возможность Советскому правительству обеспечить за короткий исторический период коренные изменения в материально-технической базе сельского хозяйства и успешно преодолеть трудности, связанные с последствиями Великой Отечественной войны Советского Союза. За период 1935 — 1953 гг. число тракторов (в переводе на 15-сильные), приходящихся в среднем на 1000 га пашни, увеличилось с 6,15 до 15,7 единиц, число комбайнов (на 1000 га уборочной площади пшеницы и ячменя) увеличилось с 0,04 до 2,1, а других зерноуборочных и зерноочистительных машин — с 0,7 до 4,5 единиц.

Огромный рост материально-технической базы колхозного производства сопровождался ростом удельного веса орудий труда, принадлежащих МТС. Последние превратились в решающую индустриально-техническую базу общественного хозяйства колхозов; в совокупной стоимости орудий труда МТС и колхозов доля МТС достигает, по годам, от 79 до 99,2%, а доля колхозов, снижающаяся за послевоенные годы, в 1953 г. составляла всего лишь 0,8%. При этом происходят существенные качественные изменения в самом составе машинно-тракторного парка: удельный вес гусеничных тракторов в составе всего тракторного парка МТС повысился с 4,9% в 1949 году до 30,7% в 1953 году.

Особенностью изменения в структуре энергетических ресурсов МТС и колхозов Узбекистана является значительное повышение в годы войны удельного веса энергетических ресурсов колхозов при некотором снижении его по линии МТС, рост, из года в год, механической тяговой силы вообще и принадлежащей государству, в частности. В энергетической базе МТС и колхозов ведущая роль принадлежит все время тракторам МТС, а внутри колхоза — грузовому автотранспорту. Господствовавшая в прошлом живая тяговая сила с ее низкой производительностью заменяется совершенными механическими средствами труда, составляющими «костную и мускульную систему производства». (К. Маркс, т. I, изд. 1951 г., стр. 158).

Благодаря коренным изменениям, происшедшим в техническом перевооружении колхозного производства, за время с 1935—1953 гг. механизация ряда трудоемких производственных процессов достигла высокого уровня: посевы всех яровых механизированы с 4,0% до 71,4%, посевы хлопка — с 5,7% до 59,7%, а механизация каждого из трех видов междурядных обработок хлопчатника, выполнявшихся в 1935 году только вручную, достигла 95—96%. Все же на многих трудоемких процессах как в хлопководстве, так и в других отраслях хозяйства, все еще слабо применяется или же вовсе не применяется обработка механическими средствами. Механизация процессов труда в зерновом хозяйстве в 1953 г. не превышает по посевам яровых 44,6%, по уборке комбайнами — 66,3%. Крайне низок уровень механизации трудоемких процессов в животноводстве; сбор хлопка, поглощающий примерно 40% всех трудовых затрат его производства и содержащий, следовательно, огромные резервы экономии труда, в 1953 г. механизирован всего лишь на 9,5%.

Проблемы устранения существующей в настоящее время в Узбекистане диспропорции между мощностью тракторного парка МТС и его нагрузкой, а также дальнейшего расширения замены ручной обработки требует осуществления мер прежде всего в следующих направлениях:

1) Применение различных навесных сельскохозяйственных орудий, приводимых в движение тракторным двигателем и позволяющих использование этого двигателя в течение всего периода сельскохозяйственного производства.

2) Сочетание с основной отраслью колхозного производства — хлопководством таких дополнительных культур, которые позволяют широко использовать тракторы и другие механизмы вне процесса труда производственного периода хлопчатника.

3) Организация широкого использования тракторов МТС на земляных, в частности, коллекторно-дренажных и других работах мелиоративного и ирригационного строительства.

4) Завершение перехода на новую систему орошения. Ликвидация постоянной оросительной сети и меж и на этой основе укрупнение производственных земельных карт. Выпрямление внутрихозяйственной оросительной сети дают возможность сократить количество поворотов трактора, удлинить тракторогоны, и, таким образом, способствуют производительному использованию машин.

На укрупненных земельных участках, как свидетельствует опыт, выработка колесных тракторов большинства марок превышает в среднем на 45% их выработку на мелких участках.

5) Повсеместный переход на квадратно-гнездовой способ посева хлопка. Как показывает практика передовых хозяйств, это позволило бы колхозам, при современном уровне механизации и органи-

зации производства, высвободить для нужд других отраслей производства по крайней мере 45% всех трудоспособных колхозников, работающих на хлопке.

VI. Организация и оплата труда в колхозах

Социалистической кооперацией общественного труда в колхозах, нашедшей свое выражение в постоянной производственной бригаде и основанной на социалистической взаимопомощи и товарищеском сотрудничестве свободных от эксплуатации работников, обусловливается коренное изменение во взглядах колхозного крестьянства на труд. Трудовая активность широких масс колхозного крестьянства из года в год повышается. За период 1935—1953 гг. число трудодней, в среднем выработанных каждым трудоспособным колхозником, увеличилось почти в 2 раза, число трудоспособных колхозников, выработавших менее установленного минимума трудодней, уменьшилось в 5 раз, а невыработавших ни одного трудодня — более чем в 5 раз; постоянно возрастает число колхозников, которым начисляются дополнительные трудодни за перевыполнение установленных показателей продуктивности в земледелии и животноводстве; растет из года в год число передовиков, героев социалистического труда.

Особенностью изменения в структуре затрат труда является происшедшее как в годы войны, так и в послевоенный период перераспределение труда между отраслями сельского хозяйства. В послевоенный период это перераспределение вполне соотносится с задачами обеспечения в колхозах Узбекистана преимущественного роста хлопковой культуры и максимальной экономии труда в административно-обслуживающем аппарате в интересах соответственного увеличения затраты живого труда непосредственно на производство материальных благ. Удельный вес трудовых затрат на ирригацию и мелиорацию не соответствует требованиям расширения орошаемых земель, на которых базируется колхозное земледелие республики, и он вплоть до 1953 года продолжает оставаться на уровне, составляющем половину довоенных затрат.

Анализ использования труда свидетельствует о наличии в колхозах республики огромных трудовых резервов. Неиспользованные в 1953 году рабочие дни трудоспособных колхозников составляют свыше 314 тыс. условных полных годовых работников.

Техническая вооруженность труда, широкое применение достижений агробиологической науки, при сочетании их с социалистическим принципом материальной заинтересованности, обеспечивают непрерывный рост производительности труда; на производстве хлопка по сравнению с 1940 годом производительность труда повысилась в 1950 году на 45%, а в 1953 году — на 55%.

Особенностью этого процесса являются возрастающие из года в год затраты труда на единицу посевной площади. При этом темп роста урожайности обгоняет темп роста дополнительных затрат труда, что свидетельствует о повышающейся производительной силе последовательных затрат, и является неопровержимым доказательством несостоятельности так называемого закона убывающей производительности последовательных затрат.

Повышение производительности труда дало колхозам республики большую экономию, по сравнению с 1935 годом, составляющую в 1940 г. — 104,6 тыс., в 1950 г. — 1461,4 тыс., а в 1953 г. — 1552,2 тыс. условных полных годовых работников.

Конкретные формы оплаты и экономического стимулирования так же, как и форма организации труда, как показывает анализ, не являются неизменными. Вместе с ростом технической вооруженности и квалификации труда, организационно-хозяйственным укреплением колхозов они подвергаются изменениям, совершенствуются.

Применяемая в настоящее время дополнительная оплата труда, система премии-надбавок, отоваривания и авансирования в колхозах Узбекистана в целом оказывает прогрессивное влияние на весь ход развития общественного хозяйства. Однако существующая система премий-надбавок и практика авансирования нуждается в таком усовершенствовании, чтобы при ней не происходило концентрации основной массы сумм материального стимулирования в одних и тех же немногочисленных наиболее мощных колхозах, составляющих по числу не более 18—20% артелей, и не допускалось массовое переавансирование колхозников, как это постоянно происходит.

VII. Развитие сельскохозяйственных отраслей колхозного производства

Обусловленное требованиями экономического закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства СССР, а также природно-климатическими условиями, производственное направление колхозов Узбекистана характеризуется, в основном, как хлопководческое. Колхозы хлопкового направления составляют 81%, зернового — 8,3%, животноводческого — 4,4%, плодово-овощного — 3,2%, кенафо-джутового, табаководческого и др. — 2,8% всех колхозов республики. В комплексе специализированных хозяйств почти повсеместно имеются зерновые и бобовые, овоще-бахчевые и кормовые культуры, садоводство и животноводство, 75% всех хлопкосеющих колхозов занимается также шелководством. При всем этом в комплексе хозяйства ведущее место принадлежит растениеводству. У 96% всего числа колхозов основная отрасль хо-

зяйства представлена растениеводством. За все истекшие после коллективизации годы от 70 до 82% всей массы живого труда затрачивается в растениеводстве, и из них затраты на производство хлопка достигают 60%; от растениеводства колхозы получают 72—92% всех денежных доходов, в том числе от хлопководства 80—86%. В 1953 г. затраты труда в животноводстве не превышают 7,6% при его удельном весе в денежном доходе не более 11%. Место колхозов Узбекистана в общественном разделении труда в СССР, занимаемое соответственно производственному направлению и объему производства, характеризуется:

Во-первых, как хозяйство, многостороннее и тесно связанное с государственной промышленностью, снабжающее текстильную промышленность страны ценнейшим сырьем — хлопком.

Во-вторых, как хозяйство, производящее основную массу такой важнейшей продукции, как шелковые коконы и каракулевые смушки, производство которых возможно в сравнительно ограниченном количестве районов СССР, а также как хозяйство, играющее значительную роль в снабжении городов центральных и зерновых районов Советского Союза сушеными и свежими фруктами и виноградом.

В-третьих, как хозяйство, в комплексе которого обеспечивается развитие дополнительных отраслей, предназначенных для местного личного и производственного потребления.

За годы, истекшие со времени победы колхозного строя, происходил непрерывный рост колхозного земледелия на базе совершенствовавшейся техники. За период 1935—1953 гг. валовой сбор хлопка в расчете на одного трудоспособного колхозника увеличился в 2,4 раза.

При несомненных огромных успехах, достигнутых колхозами в развитии их общественного хозяйства в целом, ряд его отраслей отстает от требования все возрастающего народного потребления; все еще не достигнут довоенный уровень производства продукции овоще-бахчевых и зерновых культур.

Недостаточно используются колхозами имеющиеся резервы для увеличения производства продукции, медленно внедряются в хозяйство опыт передовой практики и научные достижения.

Имеющий огромное прогрессивное значение квадратно-гнездовой способ посева хлопка в 1954 году был осуществлен всего лишь на 6,3% всей посевной площади хлопчатника.

При наличии значительного числа передовых колхозов, постоянно обеспечивающих сбор 30—40 и более центнеров хлопка с гектара, в 1953 году 20% колхозов республики собирали урожай менее 15, а почти 50% колхозов — менее 20 центнеров с гектара.

По сравнению с 1950 годом в последующие три года в отдель-

ных областях средняя урожайность хлопка заметно снизилась, наблюдаются тенденции к уменьшению, против плана, и в общем количестве хлопка-сырца, производимого колхозами республики.

Чтобы обеспечить выполнение постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О дальнейшем развитии хлопководства в Узбекской ССР 1954—1958 гг.», согласно которому валовой сбор хлопка в колхозах республики в 1958 г. должен быть увеличен до 3976 тысяч тонн против 2310, 3 тыс. тонн в 1953 г., а урожайность хлопка должна составить 28,8 ц/г против 21,6 в 1953 году, требуется максимальное напряжение сил для использования в этих целях имеющихся резервов. При этом использование резервов необходимо подчинить главным образом интересам повышения урожайности. Расширение площади хлопчатника за это время сверх нормы, указанной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров, представляется нецелесообразным в силу следующих причин:

а) Специализация хозяйств в основных орошаемых районах превратилась в одностороннее развитие хлопкового направления (70—80%); в этих районах вопросы наиболее полного и рационального использования средств производства и трудовых ресурсов, а также создания прочной кормовой базы для животноводства представляют собой актуальную проблему. Дальнейшее расширение посевов хлопка в этих районах может поставить в крайне затруднительное положение развитие животноводства, особенно развитие молочного скота, создание прочной кормовой базы для которого тесно связано с посевами кормовых культур, в основном, на землях с оросительной сетью;

б) Освоение новых орошаемых земель сопряжено с огромными вложениями средств и труда, причем, в результате проведенных водохозяйственных мероприятий не всегда достигается экономический эффект, соответствующий этим вложениям;

в) Целесообразно колхозам полнее использовать повышающуюся производительную силу последовательных затрат.

Особенностью в изменении структуры посевной площади за рассматриваемый период являются две ярко выраженные противоположные тенденции: интенсивный процесс специализации земледелия в послевоенный период на производстве хлопка и сокращение площади зерновых и бобовых культур.

Учитывая растущие возможности государства в деле обеспечения хлебом районов, возделывающих технические культуры и неотложные задачи создания прочной кормовой базы для животноводства, колхозам Узбекистана в дальнейшем целесообразно концентрировать внимание в области зерновых культур на расширении посевов кукурузы, джугары и риса. Эти культуры в климатических, земельно-водных и мелиоративных условиях Узбекистана наиболее ра-

ционально сочетаются с хлопководством и являются экономически наиболее эффективными. При этом следует иметь в виду, что возделывание риса возможно в ограниченном количестве районов СССР, тогда как в условиях Узбекистана рис является высокоурожайной культурой. Передовые колхозы и совхозы Узбекистана постоянно получают 40—50 ц зерна и 450—500 ц зеленой массы кукурузы и джугары с гектара. Расширение площади кукурузы и джугары позволяет колхозам пополнить зерновые ресурсы при одновременном получении высококачественной зеленой и силосной массы для скота, при минимальных по сравнению с другими культурами затратах труда, в расчете на единицу продукции.

Осуществляя меры для увеличения производства зерна к 1960 г. до 1200 тыс. тонн, в том числе джугары до 550 тыс. тонн, как это намечено правительством Узбекистана, необходимо обратить внимание на характерные областные особенности, заключающиеся в односторонней хлопковой специализации колхозов в ряде областей, особенно в Ферганской долине, в которых посевы зерновых и бобовых культур составляют лишь от 3,3 до 7,0% при удельном весе посева хлопчатника от 65 до 75%.

Непрерывный рост промышленных и культурных центров в республике ставит колхозы перед необходимостью увеличения производства продукции овоще-бахчевых культур. Развитие этих культур в зонах промышленных центров, в частности в Ташкентской области, в которой сконцентрировано 50% всей посевной площади и 60% валового сбора овоще-бахчевых культур всех колхозов республики, при современной структуре и достигнутом уровне механизации колхозного производства упирается в недостаток рабочей силы. В Ташкентской области в 1953 году нагрузка каждого трудоспособного колхозника по хлопчатнику превышала на 0,2 га нагрузку в Самаркандской области и на 0,3 га — в Кашка-Дарьинской области; в колхозах ряда других областей, при той же нагрузке по хлопчатнику, нагрузка на одного трудоспособного значительно ниже по общей посевной площади. Отсюда вытекает необходимость продумать возможность частичного перераспределения посевов хлопчатника между областями и внутри областей между районами. Наряду с этим следует уделить особое внимание механизации всего сельскохозяйственного производственного процесса в зонах промышленных центров с тем, чтобы способствовать высвобождению потребной рабочей силы для ухода за овоще-бахчевыми культурами и своевременной уборки урожая без ущерба для других культур.

В диссертации рассматриваются меры, способствующие их развитию и шелководства, рекомендуются меры, способствующие их дальнейшему подъему с учетом места и значения этих культур в комплексе хозяйства, специализирующегося по производству хлопка.

Обусловленные условиями содержания и кормления, а также породным составом скота, уровень производства животноводческой продукции в колхозах продолжает далеко отставать от требований возрастающего народного потребления. В расчете на 100 га земельных угодий среднегодовой надой молока в 1953 г. составляет всего лишь 2,3 ц., мясо в убойном весе — 0,42 ц.

В составе стада крупного рогатого скота низкий удельный вес маточного поголовья, большой падеж; лишь за счет ежегодной покупки значительного количества скота извне колхозы покрывают ежегодную убыль собственного воспроизводства и обеспечивают некоторый прирост поголовья.

Плотность крупного рогатого скота как по всем видам, так и по коровам, все еще продолжает оставаться на довоенном уровне, медленно внедряется опыт передовиков животноводства. В то время как среднегодовой надой молока на одну корову в передовых колхозах достигает 3,5—4 тыс. литров, в 93,9% колхозов в 1953 г. надой составлял менее 600 л; среднегодовой настриг шерсти на 1 овцу не превышает 1,3 кг., тогда как в передовых колхозах он достигает 2—3 кг.

Руководствуясь решениями январского Пленума ЦК КПСС 1955 г., в Узбекистане предусмотрено увеличить производство мяса в течение 1954—1960 гг. в 2,4 раза, молока за это время почти в 3 раза, шерсти в 2 раза, яиц в 2,3 раза. Достижение намеченного объема производства возможно при проведении серьезной организаторской работы и больших экономических мероприятий, главными из которых являются:

а) создание прочной кормовой базы путем полного освоения хлопково-люцернового севооборота, всемерного расширения посевов кукурузы и джугары, усиления работы по освоению новых пастбищ и проведения обводнительных и оросительных мероприятий, способствующих обогащению травяного покрова пастбищ;

б) повсеместное и широкое применение искусственного осеменения при одновременном расширении сети племенных ферм;

в) сокращение поголовья рабочих волов, осуществимое без ущерба для энергетических ресурсов хозяйства, и использование сэкономленных кормовых средств для роста и повышения продуктивности маточного поголовья;

г) улучшение содержания и кормления молочного скота посредством его перевода на стойловое содержание, с обеспечением скота сочными и концентрированными кормами;

д) улучшение и усовершенствование породного состава крупного рогатого скота путем завоза и выращивания племенных пород, увеличение удойности коров местной породы на основе использования опыта передовых колхозов;

е) определение такого направления развития курдючного мясояловцеводства, чтобы оно в климатических и кормовых условиях Узбекистана давало одновременно большее количество шерсти и лучшего качества.

VIII. Рост колхозных доходов и благосостояния колхозного крестьянства

В данной главе рассматриваются источники образования и роста доходов колхозов в областном разрезе и по республике в целом, распределение доли доходов, выделенной для личного потребления, повышение материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства.

Отсутствие учета издержек производства в колхозах не позволяет выделить доход из валового продукта, что и имелось в виду при рассмотрении роста колхозной продукции, называемой доходом.

В колхозах Узбекистана, в силу высокой товарности их хозяйства, основная часть продукции принимает денежное выражение и движение доходов в денежной форме в целом правильно отражает движение всего колхозного дохода.

Благодаря развитию общественного хозяйства и экономической политики Советского государства, направленной на повышение материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии хлопководства, колхозы Узбекистана достигли значительных успехов в умножении общественных доходов. За период с 1935 по 1953 гг. общая сумма денежных доходов в расчете на 100 га всех земель возросла в 1,7 раза, на 100 га всех посевов — в 4,2 раза, на 1 трудоспособного колхозника — почти в 6 раз. Благодаря преимуществам социалистической системы хозяйства, в колхозах Узбекистана происходит постоянный переход колхозов из группы с низкими доходами в группы высокодоходных. Колхозов с доходами свыше 5 млн. рублей до 1949 г. не было, а в 1950 г. — 10,1% и в 1953 г. — 20,4% всех колхозов имеют доходы от 5 до 20 млн. рублей, а 0,2% — свыше 20 млн. рублей.

Изменения в удельном весе областей в общей сумме колхозных доходов республики отражают ту же закономерность, какая наблюдается в изменении объема и структуры хозяйства их колхозов. Наблюдается резкий контраст между отдельными областями по размерам доходов их колхозов, приходящихся в среднем на каждого трудодень. В то время как размер общего денежного дохода, в среднем приходящегося на 1 трудодень, в Сурхан-Дарьинской, Андижанской, Наманганской и Ташкентской областях превышает соответствующий средний показатель республики и составляет 116—161%, в областях же Самаркандской, Хорезмской, Кашка-Дарьинской и КК АССР соответственные данные составляют 71,8—82,7%.

В противоположность трактовке буржуазных «ученых» о всеобщем уравнивании, нивелировке потребностей и личного быта людей при социализме, личное благосостояние колхозного крестьянства в Узбекистане, равно как и во всем социалистическом обществе, определяется по принципу: «От каждого — по его способностям, каждому — по его труду».

Увеличение в Узбекистане за период 1935—1953 гг. доли общественного колхозного дохода, выделяемой для личного потребления, в расчете на один трудодень, деньгами более чем в 12 раз, зерном в 6,6 раза, свидетельствует о значительном росте за это время благосостояния колхозного крестьянства. Вместе с тем доходы, получаемые на один трудодень членами передовых колхозов, которые превышают соответствующие средние показатели по республике по деньгам в 2—5 раз, по зерну — 1,5—3 раза, свидетельствуют об имеющихся в колхозах республики огромных резервах, использование которых позволило бы еще более увеличить долю доходов, распределяемую по трудодням.

В работе дается характеристика происшедших за годы колхозного строительства коренных изменений в культурном облике крестьянства.

В заключение даются выводы по главам и предложения по наиболее полному и рациональному использованию земельного фонда, энергетических и трудовых ресурсов, денежных средств неделимого фонда и средств капиталовложения, улучшению структуры хозяйства в свете перспективы развития колхозного производства в ближайшие 4—5 лет.

Из всей работы вытекают следующие наиболее общие выводы:

1. Коллективизация сельского хозяйства в Узбекистане, наряду с общими для всего Советского Союза основными, существенными чертами, имела ряд своих особенностей. Здесь имелся ряд экономических и социальных факторов, как способствовавших, так и затруднявших коллективизацию сравнительно большей степени, чем в ряде других районов СССР.

2. Правильное претворение партией в жизнь марксистско-ленинской теории социалистического строительства применительно к специфическим условиям Узбекистана привело к тому, что действие факторов, благоприятствовавших победе колхозного строя, успешно преодолело и опередило действие факторов, затруднявших процесс коллективизации. Тем самым были обусловлены более высокие темпы и уровень коллективизации в Узбекистане по сравнению со многими другими союзными республиками с СССР в целом.

3. В отличие от центральных районов СССР, в которых коллективизация явилась заменой буржуазного строя, в деревне социалистическим строем, в Узбекистане коллективизация явилась заменой эко-

номического строя в кишлаке, сохранившего еще глубокие пережитки феодализма и черты патриархально-родового уклада, строем социалистическим. Она явилась примером воплощения в жизнь ленинского положения о том, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к социалистическому строю, минуя капиталистическую стадию развития.

4. Победа колхозного строя и весь ход развития общественного хозяйства колхозов в Узбекистане неоспоримо подтверждают важнейшее положение марксистско-ленинской аграрной теории о решающем преимуществе крупного социалистического хозяйства перед любым другим хозяйством, а также неопровержимо разоблачают реакционную сущность буржуазной теории «устойчивости» мелкого земледелия.

5. Весь ход развития колхозного производства в Узбекистане ярко отражает действие основного экономического закона социализма. Замена старых, в своем преобладании докапиталистических производственных отношений, новыми, социалистическими отношениями вывела на простор веками прозябавшие производительные силы узбекского кишлака, позволила трудящимся дехканам с помощью рабочего класса и под руководством партии привести в мощное движение неисчерпаемые резервы для развития сельского хозяйства.

6. При наличии развития колхозного производства в целом по закону расширенного воспроизводства наблюдается резкое отставание животноводства, а также ряда дополнительных отраслей растениеводства, по отдельным из которых все еще не восстановлен довоенный уровень валового сбора и урожайности; в ряде орошаемых районов специализация хозяйств превратилась в одностороннее развитие хлопкового направления.

7. В колхозах республики имеются огромные трудовые и материальные резервы, наиболее полное и рациональное использование которых способствует ликвидации отставания в подъеме урожайности хлопка, сочетанию успешного развития ныне отстающих отраслей хозяйства и на этой основе достижению дальнейшего подъема общественного хозяйства в соответствии с намеченным планом его развития на ближайшие 4—5 лет.

Т-10252.

От 23/XII-55 г.

Объем 2,25 п. л.

Тираж 100.

Заказ 5530.

Типография «Тревога». Павловская, 8.